

Обществоведение в России

Общество и государство России еще не преодолели *системный кризис* конца XX века. Тяжесть и продолжительность этого кризиса во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и малых коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Как и у всякой науки, главная социальная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты*. Выражаясь мягче, предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей – указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма - сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов было достаточно). В этом предвидении оказалось одинаково несостоятельным как обществоведение, которое сложилось в парадигме либерализма, так и то, которое развивалось на методологической основе марксизма (исторический материализм).

Оно также не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века и в традиционных, и в современных обществах. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром - верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. В этой вере интеллигенция пряталась, как страус, от нарастающей сложности и нестабильности. Но в России перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению даже и этой механистической рациональности.

Что значит «мы не знаем общества, в котором живем» (выражение Андропова, которое повторил и Горбачев)? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Конечно, сильное давление на сообщество обществоведов оказал политический интерес. Чтобы сломать такую машину, как советское государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Иррациональным был уже сам лозунг «иного не дано!»

В среде обществоведов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала *безответственность*. В ходе реформы это сказалось самым страшным образом. Пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание новой*. Сама декларация о *необратимости* и как цели показывает глубинную безответственность - как философский принцип.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В.В.Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики - а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*,

причем грубый, в виде *разрушения* “старого здания”. На это согласия общества не спрашивали, а общество никогда бы не дало такого согласия.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за реформу уже никак нельзя будет оправдать. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы – но тут же требовали его переделать. Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа. Один этот штрих показывает, что к концу 80-х годов в СССР и России уже не существовало сообщества обществоведов как *научной* системы.

Академик А.Н. Яковлев сказал в мае 1991 г.: “Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма - точнее, периода 60-х - середины 80-х годов - еще впереди, его даже не начинали” [1, с. 24]. Если так, то элементарные нормы научности запрещали давать категорические оценки обществу за целый исторический период 60-80-х годов и тем более требовать его радикальной переделки! Специалист обязан сначала *изучить* объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Напротив, весь дискурс официального обществоведения был направлен на то, чтобы люди *не поняли*, что их ожидает в будущем. Но ведь для общества было жизненно важно разобраться именно в сути выбора, перед которым оно было поставлено, и основная масса народа надеялась на то, что гуманитарная интеллигенция – философы, историки, социологи - в этом разберется и честно растолкует остальным. Люди считали, что это – профессиональный долг обществоведения.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: “Перестройка - это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуются не более 10-15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной” [2].

Здесь сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а смена самого *типа* жизнеустройства, то есть *всех ст орон* общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти “другой дорогой”, а о том, чтобы сменить *тип траектории* - пойти в другую сторону, да еще и “в другом измерении”.

Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема и следующим шагом будет именно на фундаментальном уровне сказано, в чем же “прежняя траектория была ложной”. Но нет, этот разговор велся (да ведется и сегодня) на уровне деталей бытового характера. Выезд за границу облегчить, вместо универсамов супермаркеты учредить, цену поднять так, чтобы очередей не было, разрешить образование партий - Жириновского, Явлинского.

А ведь за утверждением Т.И. Заславской стояли вещи *экзистенциального* уровня. Например, предполагалось изменение главных прав человека - на пищу, на жилье, на труд. От общества, устроенного по типу семьи, когда именно эти права являются неотчуждаемыми (человек рождается с этими правами), предполагалось перейти к обществу, устроенному по типу рынка, когда доступ к первичным жизненным благам

определяется только платежеспособностью человека. Как могли обществоведы уклониться от обсуждения именно этой фундаментальной проблемы выбора и толковать о частностях?

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. В 1996 г. видные экономисты Н. Петраков и В. Перламутров писали в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара-Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [4].

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [5, с. 188].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*. Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки создана хозяйственная и социальная катастрофа не имеющая прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина – большая развитая европейская страна. В 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27% от уровня 1990 года (в РФ 42%, в Таджикистане 7%).

Казалось бы, перед обществоведением возник очень важный объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 15 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям программы реформ в среде обществоведов не наблюдается! За исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества. Американские эксперты А. Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [6, с. 67]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала. Но гораздо важнее состояние именно сообщества как целостности, *мэйнстрим*.

Дж. Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» [5, с. 81]. То есть, были совершены ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем, ошибки *тривиальные*. Так надо признать это и совместно выяснить причины! Как можно отказываться от пересмотра ошибочных воззрений – и продолжать называть себя учеными? Но рефлексии нет!

Если отбросить предположения о том, что доктрина реформ являлась плодом сатанинского заговора против России, остается признать, что ее замысел включал в себя ряд ошибок *фундаментального* характера. Они сделаны вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества отечественных и зарубежных ученых. Этот факт также требует рефлексии, ибо говорит о глубокой деформации системы норм научной рациональности в нашем обществоведении.

Как известно, одна из главных идей реформы сводилась к переносу в Россию англосаксонской модели экономики. Эта идея выводилась из примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его чистом виде. Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны - это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных

соображений. Выбор за образец для построения нового общества России именно США - страны, созданной в иных природных условиях и на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице - не находит рациональных объяснений.

Дж. Грей пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [8, с. 192].

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности неолиберализма – в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в России. Даже напротив, перенесение их в иную среду лишает «их» обоснование рациональности. Это – почти очевидное элементарное правило. Дж. Гэлбрейт сказал об этих планах российских реформаторов: «Говорящие - а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь - о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [9].

Психическое отклонение клинического характера - вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А.Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества» [6].

Страх - понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен – приоритетная задача социологии. Какова природа невежества, которое «породило» политику реформ в России? Изживается ли это невежество сегодня? Какие социальные механизмы блокируют рефлексию сообщества обществоведов России? Каковы способы восстановления информационной системы, которая вновь свяжет эту общность дееспособной когнитивной структурой?

Катастрофический кризис, в создании которого активное участие принимало сообщество обществоведов, в свою очередь самый тяжелый удар во всей системе знания нанес по *обществоведению*. Состояние всех типов социально-научного знания характеризуется рядом общих черт, на фоне которых реализуются специфические сценарии и тенденции развития в каждой отдельной области (экономике, социологии, этнологии и пр.). Главными общими процессами и факторами можно считать следующие:

- кризис мировоззренческой матрицы советского проекта в 60-80-е годы XX века и производный от него кризис когнитивной основы советского обществоведения;

- кризис легитимности советской политической системы в 80-е годы и распад сообщества обществоведов; формирование группировок на идеологической и прагматической основе; «внешние» заказчики и спонсоры и их влияние на обществоведение;

- фрагментация информационной системы российского обществоведения; дискриминация при доступе к информационным ресурсам по идеологическим и экономическим основаниям;

- изменение системы отношений с «социальными заказчиками» и возникновение «интеллектуального предпринимательства» в сфере обществоведения;

- изменение системы господства в России и новая структура «научного фронта» в обществоведении;

- системный кризис в России и отход от норм рационального мышления в элите и в массовом сознании;
- общий кризис когнитивных структур Просвещения и давление постмодернизма.

Согласно этому перечню, первым фактором, определяющим состояние обществоведения, является воздействие на научное сообщество *наследия советского периода*. Инерция этого воздействия очень велика, и ее преодоление само по себе есть актуальная и сложная задача обществоведения, которая в явном виде даже еще не поставлена. Без рефлексии и рационального диалога с этой инерцией не справиться¹.

Важнейшей особенностью обществоведения в советское время был, на мой взгляд, искажающий реальность методологический фильтр, через который оно видело свой предмет - *исторический материализм*. Став частью идеологии, истмат быстро оторвался от его основоположников и стал жить своей жизнью, порой весьма «не по Марксу». Произошла *стереотипизация* истмата - превращение его формул в расхожие догмы. Маркс писал даже: «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты». То есть, этот метод не просто может стать бесполезным, но и превращается в *свою противоположность!* А значит, приводит к совершенно ложным выводам.

Из ограничений, наложенных классиками на применение метода, следует, что для понимания конкретных процессов надо осваивать и другие, лежащие *вне истмата* методологические средства. Нарушив ограничения на применимость метода, советское обществоведение резко снизило познавательные возможности нашего общества. Так, политэкономия уже с начала XIX века все более и более приобретала характер «позитивной» науки, заменяющей описание социальной реальности ее более или менее абстрактными моделями, тяготеющими к механистическому детерминизму. В 1921 г. вышла книга Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии». Он задал методологическую канву.

На усиление в истмате *механистического детерминизма* впервые указала Роза Люксембург, но глубоко рассмотрел его А. Грамши. Он, прежде всего, высказал мысль о причине и даже необходимости этого процесса *на определенной стадии* общественного развития. Он писал в «Тюремных тетрадах»: «Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости... Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т.п. в конфессиональных религиях...

Но когда «подчиненный» становится руководителем и берет на себя ответственность за массовую экономическую деятельность, то этот механицизм становится в определенном смысле громадной опасностью... Фатализм является ничем иным, как личиной слабости для активной и реальной воли. Вот почему надлежит всегда развенчивать бессмысленность механистического детерминизма, который, будучи объясним как наивная философия массы, и лишь как таковой представляющий элемент внутренней силы, с возведением его в ранг осознанной и последовательной философии со стороны интеллигенции становится причиной пассивности, дурацкого самодовольства» [11, с. 54-55].

Таким образом, если фатализм истмата и был когда-то полезен трудящимся как заменитель религиозной веры в правоту их дела, то в советское время положение

¹ Мы говорим о статистически значимых факторах и тенденциях, а не о конкретных личностях – в обществоведении, как и во всех других сферах, есть множество свободных и творческих умов, которые лишь имитируют конформизм.

изменилось принципиально. Теперь партийное обществоведение взяло на себя «ответственность за массовую экономическую деятельность», и фатализм стал «громдой опасностью» - «причиной пассивности, дурацкого самодовольства».

И Грамши записал в «Тетрадах» такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики, то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю» [11, с. 60].

Эти похороны не состоялись и сегодня – истмат лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма. Реформа 90-х годов никак не сказалась на статусе истмата, потому что он с ней оказался вполне совместим – достаточно было признать, что пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положена методология исторического материализма, оказалось несостоятельно в предсказании и объяснении кризиса советского общества. Речь идет о фундаментальных ошибках, совершенных большим интеллектуальным сообществом, так что объяснять эти ошибки политической позицией или конформизмом членов сообщества невозможно. Те методологические очки, через которые оно смотрело на мир, фатальным образом искажали реальность. Потому и мог так легко проявиться идеологический конформизм обществоведов.

В марксизме и в русском коммунизме были общие черты, которые делали возможным их взаимодействие, но были и предпосылки для конфликта (который впервые выразился в расколе на большевиков и меньшевиков). Вплоть до 60-х годов XX века симбиоз советского строя и марксизма был необходим «обеим сторонам». Без этого симбиоза марксизм стал бы достоянием истории. Но, опершись на русский коммунизм, марксизм как интеллектуальное течение позже стал одним из соучастников его разгрома. Нельзя проходить мимо такого важного явления, как *антисоветский марксизм* 60-80-х годов на Западе и в СССР².

Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым, а для обществоведения он представляет профессиональный долг. Этот анализ тем более актуален, что как правящая элита, так и оппозиция в РФ продолжают, хотя частью бессознательно, в своих умозаключениях пользоваться инструментами исторического материализма - смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет.

Обществоведение после краха советского строя

Слом догматических норм обществоведения после 1991 г. не оказал освободительного воздействия. Это произошло потому, что структуры ставшего официальной догмой *неолиберализма* во многом симметричны структурам истмата, так как выводятся из той же картины мира и той же метаидеологии евроцентризма. Большинство обществоведов, выросших в парадигме вульгарного истмата, продолжают обучать студентов. Отказавшись от этикетки марксизма, они внедряют в сознание ту же самую структуру мышления, что и раньше.

² Пьетро Инграо, один из руководителей итальянской компартии, писал в 1992 г.: «На Востоке насильственно возникла система социально-политических режимов, которые радикально отличаются от моделей, принятых на Западе. Я отвергаю идею, будто эти деспотические режимы, называемые «реальным социализмом», имели хоть какое-то сходство с гипотезой коммунистического общества... Все мы приветствовали мирное вторжение демократического начала, которое нанесло удар по диктаторским режимам» [12].

Более того, механицизм и «рыночный» детерминизм приобрели в нашем «либеральном» обществоведении характер фундаментализма. Ликвидация «цензуры» марксизма освободила такие темные силы, что произошел откат в методологических и ценностных установках, которого мало кто мог ожидать. Зачастую это даже не откат, а «прыжок в сторону» от привычных культурных норм. Речь, конечно, идет не обо всем обществоведении, но все же о доминирующей и официально признанной его части³.

Важным изменением в постсоветской России стало резкое расширение масштабов подготовки специалистов с высшим образованием в области обществоведения (гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление – не считая педагогических профессий). Произошло быстрое увеличение числа людей, которые формально принадлежали к сообществу обществоведов, но реально не имели ни времени, ни институциональной поддержки для социализации как членов этого сообщества. Возникла «среда», растворяющая научное сообщество. Динамика этого процесса представлена на рис. 1.

Рис. 1. Динамика выпуска специалистов высшими учебными заведениями России, тыс. человек: 1 – естественнонаучные специальности; 2 – гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление

Диспропорция в подготовке кадров высшей квалификации не так велика, но все же указывает на деформацию структуры интеллектуального потенциала страны. В 2005 г. аспирантуру закончили 14 430 специалистов в гуманитарно-социальных областях (исторические, экономические, философские, филологические, юридические, психологические, социологические и политические науки, искусствоведение и культурология) и 5 442 специалиста естественнонаучного профиля (физико-математические, химические, биологические науки и науки о Земле).

Кризис сообщества вызывался и внутренними причинами. После краха СССР в социальной структуре обществоведения сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой является *антисоветизм*. У нее развито мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла». Вот статья-манифест А. Ципко, в котором говорится: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И, наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной - и тем самым антикоммунистической - революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим

³ Масштабы этого отката нельзя преуменьшать. На молодежных конференциях экономистов, победителей крупных конкурсов, проявляются общие признаки «нового мышления» – отсутствие логики и полная оторванность от реальной жизни, радикальный наивный идеализм.

либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен...» [13].

Мы как будто вновь читаем «Вехи», но уже в форме самообличения, смешанного с гордостью. Это разрушительное обществоведение стало опираться на столь деформированную когнитивную структуру, что в принципе не могло дать адекватного объяснения и даже описания того кризиса, в который погрузила Россию реформа. Состоялось интеллектуальное банкротство. Перечислим очень кратко методологические особенности той части обществоведения, которая определяла *мэйнстрим* в 90-е годы и до сих пор оказывает большое влияние на социальную политику в РФ – той части, которая получила статус «интеллектуальной элиты» российского обществоведения.

1. *Аутистическое мышление.* Основу рационального представления о действительности создает реалистическое мышление. Его цель - создать *правильные* представления, цель аутистического мышления - создать *приятные* представления и вытеснить неприятные. Если каким-то способом удастся отключить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес.

Господство аутистического мышления при расщеплении логики породило небывалый в истории проект демонтажа народного хозяйства собственной страны. Первый удар по хозяйству реформа нанесла в 1991-1994 гг., когда промышленное производство сократилось более чем в два раза. Директор Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике П.С. Филиппов дает большое интервью (4 января 1994 г.). Его спрашивают, какова причина этого кризиса. Он отвечает: “В нашей экономике узкое место - это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Хотите хорошо жить - займитесь торговлей. Это общественно-полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а, еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов” [15].

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот России к “жизни в долг”, к большим внешним заимствованиям. Видный экономист Н.П. Шмелев предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал: “По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий” [16].

Через год, когда страна уже втягивалась в кризис, он говорит в интервью: “Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пощипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет”.

Это крайний аутизм. Зачем мы что-то храним? А если война? И РФ сразу стала втягиваться в долговую яму, брать займы “зависимого типа”, но российскому обществу это представляли как «помощь Запада» или даже иностранные инвестиции.

Одним из крайних проявлений аутистического сознания элиты обществоведения был категорический отказ обсуждать *отрицательные* последствия реформы. Вот умозаключение академика Г.И. Заславской, сделанное в важном докладе (1995): “Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.” [18].

Итак, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, - за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода (“спекуляцию, мошенничество и т.д.”) - но социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Из того, что сказала Т.И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация *повлияла* на экономическое поведение подавляющего большинства граждан, причем кардинальным образом. Нелогичность ее утверждения - следствие аутистического сознания. Идеологи реформы видят только *приятные* изменения, а если влияние приватизации “на поведение массовых социальных групп” им неприятно, то этого влияния просто не видят.

Аутистическое мышление отражается и в современных рассуждениях разработчиков доктрины реформ. Вот, на лекции 29 апреля 2004 г. Симон Кордонский излагает свою версию работы над доктриной. Он выделяет главную черту ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства - то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность – вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [19].

Для человека науки это признание покажется чудовищным⁴. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию. После лекции Кордонского была дискуссия, и он высказал мысль, что «реформ не было» – так, мелочи. Его и спрашивают об одной из «мелочей»:

«Рогов. Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?
Кордонский. А хрен его знает».

Представьте, одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после либерализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». И ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе, последствия его хорошо известны.

2. Некогерентность. Рациональному мышлению присуща *связность*, внутренняя *непротиворечивость* умозаключений. Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, *некогерентны (incoherent)*.

Вот, А. Илларионов (ставший советником Президента) говорит в интервью (1999): “Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... - социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то “вправо”, то “влево”. Но суть ее оставалась прежней - социалистической” [20]. Это утверждение *некогерентно*. Политика Гайдара и Чубайса - это социализм! Причем “в общепринятом международном понимании этого слова”.

А. Ципко пишет о процессах в странах Восточной Европы: “Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов” [21].

Здесь крайняя некогерентность. Что значит, например, что Польша в 1989 г. “начала сначала, *а то и с нуля*”? И почему неолиберализм, возникший в 70-х годов XX века, “проверен веками”? Уж если «лучше идти от проверенных веками ценностей и принципов», то надо брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или на худой конец рабство - тоже десять веков его проверяли. Ведь капитализм - очень недавнее явление.

⁴ В тот момент С. Кордонский работал референтом президента В.В.Путина.

В 2003 г. А.Н.Яковлева, как “архитектора перестройки”, спросили о ее программе. На вполне разумный вопрос Яковлев отвечает: “Интересно, как вы себе представляете “план перестройки”? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке” [22].

Почему же, если бы Горбачев предложил “перечень мероприятий, *утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ*”, то его “тут же поставили бы к стенке”? Кто бы его поставил к стенке, если КГБ этот перечень изучил и завизировал? С другой стороны, Яковлев признает, что план перестройки существовал, причем его главное содержание таково, что если бы он стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это кажется самому Яковлеву правильным с точки зрения интересов государства и общества. В том же интервью Яковлев говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен - лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство - моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать». Это говорит член Российской Академии наук, блюститель норм научной этики.

Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме “Россия в поисках будущего” делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: “Это - крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально” [18].

Перед нами острая некогерентность. Люди погрузились в бедность, они *не могут покупать прежний набор продуктов* и, таким образом, выброшены с рынка (что и стало механизмом «преодоления дефицита») - а ведущий социолог называет это “крупным социальным достижением”!

Во многих случаях некогерентность рассуждений вызвана грубым преувеличением исходного тезиса, которое нарушает рациональность последующих шагов. Вот, А.С. Ципко заявляет: “Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины” [24]. Что значит не обладать *ни одним* условием для постижения истины? Интеллигенты в СССР имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни весов. Как они вообще могли жить, не говоря уж о том, чтобы в космос Гагарина снарядить?

Здесь приведены примеры некогерентных утверждений по разным проблемам. Примеры можно умножить. Эта деформация типа мышления большей части сообщества имела тяжелые последствия для российской культуры в целом. Общий регресс навыков рационального сознания, во многом спровоцированный структурой рассуждений ведущих обществоведов, стал фактором, углубившим системный кризис 90-х годов. Большого улучшения в этом плане пока не произошло.

3. **Гипостазирование.** В словаре читаем: “Гипостазирование (греч. *hypostasis* - сущность, субстанция) - присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования”.

Во время реформы склонность к гипостазированию проявилась в обществоведении в гипертрофированном виде. Абстрактные термины превращались в воображении в туманный образ некоего явления, и оно считалось реальностью и даже чем-то жизненно важным. Образы эти обозначались словом, которое приобретало магическую силу. Экономист Л. фон Мизес предупреждал: “Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям - худший враг логического мышления”.

В слово-заклинание превратилось и ключевое понятие реформы, “рынок”. Разные авторы видели в нем разные сущности, но ничего определенного не было сказано. Обществоведы воевали за этот призрак или против него. Г.Х. Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин “административно-командная система”. Смысла в нем нет, но слово было подхвачено учеными, даже получило аббревиатуру - АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет и есть нечто уникальное и предопределяющее жизнь нашего общества. На деле любая общественная система имеет свой административно-командный “срез”. И армия, и церковь, и Большой театр - все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими. На Западе любой банк, любая корпорация, не говоря уж о ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная “административно-командная система”, причем с контролем более жестким, чем был в СССР. Но все стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС - плод гипостазирования.

Достаточно было прилепить ярлык АКС к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н.П. Шмелев утверждал: “Фундаментальный принцип всей нашей административной системы - распределять! Эту систему мы должны решительно сломать” [29]. Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным, - значить исказить всю структуру функций, нарушить меру. Но даже если так, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только “нашу, административную”?

Стоит вспомнить и ключевое слово реформы *дефицит*. Оно означает *нехватку* - и в то же время видные экономисты и социологи утверждали, что в советское время “мы задыхались от дефицита”, а в 90-е годы никакого дефицита не было, наступило изобилие. Возникла острая некогерентность: как может образоваться изобилие при спаде производства? Много производили молока - это был дефицит; снизили производство вдвое - это изобилие. Вот что означало понятие *дефицит* в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 г. в РФ - 9,3 кг. Дефицит рыбы как *продукта питания* - при ее изобилии на прилавках как *знака ложного изобилия*.

Какие изменения произошли за два года реформы в питании, говорит “Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году”: “Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела - ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ”. Это - официальное признание того факта, что реформа сломала сложившийся благополучный рацион питания и возник, как сказано в Докладе, “**всеобщий дефицит**” питания.

Продуктом гипостазирования была предложенная в начале реформ трактовка *свободы*. Это - ключевая категория, ядро всей обществоведческой концепции перестройки в СССР, а затем и реформы в России. Она была ложно представлена российскому обществу элитой

научного сообщества. Была совершенно игнорирована та дискуссия о категории свободы, которая велась во второй половине XX века в западной *либеральной* мысли (о полном замалчивании философов левых взглядов и говорить не приходится).

Ряд ведущих философов и юристов Москвы изложили представления о свободе на круглом столе в Институте философии АН СССР в 1990 г. Доктор юридических наук из Института государства и права АН СССР Л.С. Мамут дал такую трактовку: “Свободу уместно рассматривать как такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение... Свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека. Она неделима” [32].

Уже первая фраза этого суждения лишает данное понятие свободы смысла, ибо не может существовать “социального пространства для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение”. Человек возник как существо социальное, обладающее *культурой*, а культура и есть прежде всего *ограничение* свобод животного. *Экономика* – недавно возникший способ ведения хозяйства, и до него все виды принуждения были внеэкономическими. Разве свобода возникла вместе с рыночной экономикой?

Мысль, будто “свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека”, очевидно неразумна, тем более в устах юриста. Человечество пережило тысячелетние периоды прямых несвобод типа рабства, и эти несвободы были общепризнанной нормой и образом жизни. И в новейшее время массы людей шли и идут в тюрьму и на каторгу, то есть жертвуют свободой ради иных ценностей – и благородных, и низменных.

Наконец, тезис о том, что “свобода неделима”, – плод аутистического мышления. В любом обществе в любой исторический момент существует конкретная система неразрывно связанных “свобод и запретов”. Свобода и принуждение находятся в диалектической связи, так что в реальности свобода представлена динамической системой множества “делимых” свобод, которые в то же время выворачиваются в “несвободы” как само условие существования свобод.

Другой оратор, философ Э.Я. Баталов, на том круглом столе тоже подтвердил неделимость и абсолютный характер свободы: “Нет свободы американской, китайской, русской или французской. Свобода едина по природе и сути, хотя продвинуться по пути свободы то или иное общество или индивид могут на неодинаковую глубину... Или она есть как сущность, или же ее нет совсем” [32].

Это суждение ликвидирует основу для рационального представления проблемы. Если следовать этой логике, то или свобода есть и она есть *вся целиком*, так что и говорить не о чем – “или же ее нет совсем”, так что тоже говорить не о чем. Противоречит реальности и утверждение, будто “свобода едина по природе и сути”, независимо от места и времени. Представление о свободе, а значит, и ее облик, есть продукт *культуры*, “по природе и сути” этот продукт изменяется, иногда очень быстро, даже в лоне одной культуры, не говоря уж о разных обществах и цивилизациях.

С понятием свободы тесно связано и понятие *права*. То, как трактовали это понятие видные российские философы, поражает своей несовместимостью с логикой и общеизвестной реальностью. На том круглом столе Э.Ю. Соловьев, ссылаясь на Канта, утверждал: “О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если член этого общества признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо... Цели людей не подлежат властно-законодательному определению” [32].

В этой трактовке теряет смысл само понятие правового общества, поскольку такого общества и такого государства не может существовать в принципе⁵. Но еще резче

⁵ Тем более неправовым при такой трактовке оказывается буржуазное государство. В своей “Энциклопедии социальных наук” основоположник современной западной доктрины

проявляется гипостазирование, если подойти к этой трактовке права «снизу», от жизненной реальности. Согласно Соловьеву, Чикатило имел *право* “самостоятельно решать, что для него хорошо”. Более того, он имел право превратить свои решения в цели, а затем и реализовать эти цели в виде деятельности – ведь его поведение обладает *самозаконностью*. Ни общество, ни государство в это его целеполагание и поведение не должны вмешиваться! Философы реформы утверждали “самозаконность человеческого поведения” – отрицали саму возможность общества и государства ограничивать поведение индивида общими правовыми нормами. *Самозаконность!*

Впав в гипостазирование, влиятельная часть обществоведов построила утопический ложный образ свободы и поверила в него, как в сущность. И не только поверила сама, но и способствовала тому, чтобы втиснуть в него нашу реальную жизнь. Гипостазирование привело постсоветское обществоведение к фундаментально ложному представлению о *свободном рынке*. Здесь оно пошло на поводу у радикальных идеологов неолиберализма, что говорит о методологической неустойчивости российского сообщества. Она, впрочем, сочетается и с нехваткой научной беспристрастности. В самой западной, в том числе либеральной, философии, имелось достаточно предупреждений о методологических изъянах неолиберальной концепции. Эти предупреждения как минимум должны были быть подвергнуты научной дискуссии, но их просто замалчивали.

Крайним случаем гипостазирования было в конце перестройки придание расплывчатому понятию *гласность* статуса высшего приоритета в нашей жизни. Иногда требование гласности было тоталитарным – никаких ограничений! Это требование находилось в полном соответствии с антиутопией Оруэлла. А.Н. Яковлев говорил: “Иногда и у нас говорят о том, что не вредно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает” [34].

Что полная гласность делает жизнь общества невозможной, почти очевидно. Культура и была введением ограничений на гласность – уже требованием носить фиговый листок, а потом набедренную повязку. С точки зрения здравого смысла, в суждении Яковлева удивляет призыв делать именно то, что людям мешает. Почему же не уважить людей, которые просят не мешать им жить? Но помимо здравого смысла надо прислушаться и к философии. Начиная с Руссо и кончая Фуко, философы специально развивали тему тоталитаризма как царства полной гласности (*transparency*). О доктрине Паноптикума (пространство полной прозрачности) см. [35].

Гипостазирование смыкается с *методологическим эссенциализмом* (от лат. *essentia* – сущность) – методом, имеющим своей целью открытие истинной «природы вещей». Например, многие постсоветские обществоведы, трактующие этничность в духе примордиализма, доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Этничность понимается как *вещь*, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма *материальная эссенция* (скрытая сущность).

4. Сциентизм и мифотворчество. Перестройка стала открытой фазой дезинтеграции, почти разрушения целостной системы знания, необходимой и достаточной для выработки разумных решений в управлении общественными процессами. При этом возник *когнитивный диссонанс*, который выразился в двух происходящих совместно, но несовместимых процессах. С одной стороны, доминирующая часть обществоведов декларировала приверженность к крайнему *рационализму* (в варианте *сциентизма*), а с другой стороны, практиковала крайнее *мифотворчество*, то есть сдвиг к алогичному мифологическому сознанию.

пропаганды Г. Лассуэлл заметил: “Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах”.

А. Бовин в книге-манифесте “Иного не дано” (1988) высказал, как комплимент перестройке, распространенную в то время мысль: “Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением”.

Но для мышления политика «тождественность с научным мышлением» звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, оно ищет *истину*, ответ на вопрос “что есть в действительности?” и не способно ответить на вопрос “как должно быть?” Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом. Он, в отличие от ученого-естественника, исходит из знания о *человеке* и чисто *человеческих* проблемах. Это такой объект, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности. Когда такие попытки делались и человек превращался для экспериментатора в вещь, то этот экспериментатор утрачивал рациональность мышления.

Поразительно, но этот поворот к сциентизму не вызвал никаких дебатов в российском обществоведении. Ведь сказать, что политическое мышление новой власти *тождественно научному мышлению*, должно было послужить сигналом опасности. Но главный провал рациональности возник именно из-за комбинации такого свободного от этики «научного мышления» с *мифотворчеством*. Проявлений этого было множество, они достаточно описаны в литературе.

Одним из важных инструментов в этих нападках был тезис о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот тезис вошел, в действительности, в самое ядро всей доктрины подрыва легитимности советского строя и, затем, подрыва самого хозяйства СССР и оставшихся от него «независимых» республик. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т.п.) или даже параллельно с этими атаками, принимались политические решения по подрыву этих отраслей.

Это происходило уже в 1989-1991 гг., даже при формальном сохранении плановой системы – через сокращение или полное прекращение капиталовложений, остановку строительства и ликвидацию госзаказа. Начиная с 1992 г. ликвидация системообразующих отраслей народного хозяйства была возложена на действие «стихийных рыночных сил», которые, однако, точно направлялись посредством политических решений на уничтожение самых новых и технологически прогрессивных производств.

Сопrotивление этому курсу было подавлено – в том числе и «культурными средствами» - внедрением в сознание мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает на себя, а не на человека». Частое повторение этого иррационального утверждения сделало его привычным, и оно не вызывало у людей психологического отторжения, хотя в нем нарушены и логика, и мера.

Формула «абсурдной избыточности ресурсов» облекалась в самые разные содержательные оболочки и служила как генетическая матрица вируса, внедряемая в сознание человека уже независимо от той или иной оболочки. В частности, были резко уменьшены все капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири просто приведет к исчезновению «потребителей». Тот факт, что гуманитарная интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы сам по себе стать предметом большого исследования.

Более того, видные обществоведы не просто благосклонно приняли эту программу, но и проявили в ее поддержке непонятную агрессивность и даже ненависть к энергетике. Красноречив «Меморандум в защиту природы» (1988), подписанный видными деятелями науки и культуры, в котором велась атака на уже наполовину выполненную Энергетическую программу СССР. Будучи выполненной, эта программа вывела бы СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности. Показательна логика

аргументов, которые выдвигались против программы в упомянутом «Меморандуме»: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?»

Примем, что экономисты и философы, рассуждающие об энергетике, не обязаны интересоваться такими вещами, как климат, расстояния, энергозатраты на жизнеобеспечение и на производственные операции. Допустим даже, что наша техносфера действительно расточительна, и где-то в мифической «Атлантиде» на ту же операцию тратят меньше энергии, чем в России (мифологизированный образ США по сути и был в идеологии реформы своего рода «Атлантидой»). Но каким образом из этого можно сделать вывод, что именно нам, *живущим в России*, а не в «Атлантиде», не следует «увеличивать производство энергоресурсов»?

С точки зрения стандартов рационального мышления это суждение является аутистическим. Даже если авторы «Меморандума» считали, что можно в одночасье заменить и климат России, и ту техносферу, что пару сотен лет складывалась в России, на климат и техносферу «Атлантиды», это невозможно было бы сделать без огромных дополнительных затрат энергоресурсов - и на строительство, и на экспорт, чтобы оплатить закупки технологий за рубежом.

И ведь речь шла не о критике Энергетической программы, огонь велся на ее поражение. Замечательна сама фразеология этого «Меморандума»: «Вся многолетняя деятельность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик... Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды, и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Это означает, что энергетические ресурсы в основном используются для производства опять же энергетических ресурсов и сырья с крупномасштабным разрушением природной среды.

Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности» [38].

Пралогический, а не рациональный тип мышления, породившего этот документ перестройки, виден уже в повторении заклинания о том, что в стране осуществляется «производство ради производства, а не ради человека». Мало того, что затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека*, они почему-то рассматриваются как «опять же производство энергетических ресурсов».

И ведь 13 подписей под документом, из них 6 докторов разных наук.

Интенсивной атаке была подвергнута установка хозяйственной политики СССР на укрепление *металлического фонда* страны через развитие отечественной металлургии. Последующий ход событий показал, что эта кампания нанесла сильнейший удар по ядру российского хозяйства. Железо, «фундамент цивилизации», - важнейший из всех видов сырья, сыгравший революционную роль в развитии культуры. Объем производства стали в мире непрерывно растет и в 2007 г. составило 1,35 млрд. т, что намного опередило прогнозы конца 80-х годов.

Металлический фонд СССР вырос с 300 кг в 1920 г. на душу населения до 3700 кг на 1 января 1972 г. С этой базы и началось выполнение программы, которую во время перестройки экономисты высмеивали как абсурдную, сравнивая СССР и США. Каков же был металлический фонд США? В 60-е годы СССР вошел с металлическим фондом, существенно меньшим, чем США имели в 1920 г. Динамика преодоления разрыва в объеме металлического фонда СССР и США представлена на рис. 2.

Рис. 2. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США, %

Планировалось, что к 1980 г. СССР приблизится к размерам того металлического фонда, которым США располагал в 1970 г. К 1990 г. разрыв можно было сократить, но этот процесс был сорван перестройкой. За советское время удалось обеспечить Россию металлом на уровне развитых промышленных стран – сегодня на каждого жителя РФ приходится металлический фонд в размере 10 т, в то время как критерием отнесения страны к числу промышленно развитых является наличие металлического фонда 8-9 т на душу. И рывок был сделан именно в ходе той программы, которая была опорочена в 1989-1991 годы. Если бы программу развития металлургии сорвали на десять лет раньше, Россия сегодня осталась бы без металла, нефти и газа. А значит, без хлеба, жилья и тепла.

Антиметаллургическая кампания, развязанная в конце 80-х годов ведущими обществоведами, исходила из *ложных* посылок и содержала методологические ошибки, говорящие о глубокой деградации рациональности. Результат известен. Сокращение производства стали в 1991 г. приняло обвальный характер – к 1998 г. в РФ *более чем в два раза*. Металлоинвестиции сократились в РФ за годы реформы в 4 раза. В последние годы РФ получает конечной металлопродукции разного рода в среднем 50 кг на душу населения, в то время как средняя норма на Западе превышает 300 кг. На Западе нет академиков-экономистов, которые внушали бы людям, что много металлопродукции производит лишь та промышленность, которая работает на себя, а не на человека.

Признаком когнитивного кризиса служит такой факт: заявления об абсурдном перепроизводстве стали в СССР шли параллельно с сообщениями об остром «голоде» на металл в народном хозяйстве. Видеть голод - создавать миф об избытке. Нет и признаков преодоления этой болезни сегодня. Выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г., академик А. Г. Аганбегян сказал о производстве стали в СССР: «Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали (когда Америка выплавляла всего 70 млн. т) бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза» [41]. Значит, совершенно ложное утверждение можно повторять даже в одном из ведущих университетов страны даже через 15 лет после начала катастрофического кризиса, созданного в том числе благодаря этому утверждению.

Развернутая во время перестройки кампания по дискредитации советской черной металлургии важна для изучения как представительный пример деградации всей когнитивной структуры рассуждений в обществоведении. Приведа во время реформы 90-х годов к фундаментальным ошибкам, она не компенсирована и до сих пор.

5. Деформация меры. Одной из самых тяжелых деформаций, которые претерпела когнитивная структура постсоветского обществоведения, стала утрата способности «*взвешивать*» явления. *Чувство меры* – важная составляющая рационального сознания, необходимый инструмент методологического оснащения общественных наук.

Овладение числом и мерой – одно из важнейших завоеваний человека. Умение мысленно оперировать с числами и величинами – исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Подъем во время перестройки аутистического сознания и «приступ гипостазирования» в мышлении гуманитарной интеллигенции привел к утрате *расчетливости и*. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей - утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению М. Вебера, был важным признаком современного общества, отличающим его от общества традиционного.

Есть целый ряд общих, почти незаметных приемов разрушения меры, дискредитации числа или вообще количественных аргументов. Первый из таких приемов – манипуляция с числами, при которой они используются как магические образы, оказывающие на людей гипнотическое воздействие.

Одной из больших тем, в которых была подорвана мера – репрессии советского времени. Вот утверждение из книги, вышедшей в издательстве “Наука”: “Четверть миллиарда - 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе” [49]. ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн. человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год - как Отечество могло там “потерять 60 миллионов”? Известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны, которые были трудным временем для всех.

Академик А.Н. Яковлев, написавший предисловие к «Черной книге коммунизма», дополняет это число подробностями: «Насильственно уничтожены более *шестьдесят миллионов* людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни» [50]. Итак, уничтожены шестьдесят миллионов человек - это только «молодых, красивых и здоровых» и только убитых насильственно, а если взять немолодых, некрасивых и слабых здоровьем, то, дескать, и все сто миллионов выйдут. Такие стандарты в применении меры задавали представители высшей элиты обществоведения.

Грубое нарушение меры часто является следствием устранения той системы координат, в которой измерение приобретает смысл. Полезный учебный материал дает миф об *избытке тракторов*. Академик А.Г. Аганбегян утверждал, что в СССР было в два-три раза больше тракторов, чем необходимо [51]. Это произвело столь сильное впечатление на экономистов, что не раз цитировалось на Западе даже в серьезных монографиях. У обществоведов не возникло желания встроить данную Аганбегяном меру в реальный контекст и задать себе вопрос: “Сколько тракторов следует считать необходимым именно для СССР? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?” В тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было **в 16,5 раз меньше, чем в ФРГ, и в 7 раз меньше, чем в Польше**. Искажение меры столь велико, что возникает совершенно ложное представление реальности. Сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало. Это утверждение в разных формах повторяется и сейчас.

Практика, которую интеллектуально готовил этот миф, показана на рис. 3.

Рис. 3. Парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях России, тыс.

Утрата духа расчетливости неизбежно приводит к разрушению логики, к *некогерентности* и рассуждений, о которой говорилось выше. Дело в том, что этот дух расчетливости включает в себя умение «взвешивать» качества, то есть выводит обществоведческий анализ за рамки простых математических действий. В любой реальной проблеме общества исследователь имеет дело с *несоизмеримыми* величинами, обладающими разными качествами. Это касается и ценностей, и интересов, и условий деятельности людей.

Умение совмещать в одной модели несоизмеримые элементы – совершенно необходимое в обществоведении условие. Провал советского обществоведения во многом и был предопределен неспособностью «взвесить» все элементы системы, господствующая в то время группа обществоведов просто объявляла какую-то одну ценность высшим приоритетом («общечеловеческой ценностью») и пренебрегала альтернативными ценностями. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что в дискурсе обществоведения возобладал социал-дарвинизм. Ценность эффективности ставилась неизмеримо выше ценности справедливости и т.д. В результате в моделях, положенных в основание доктрины реформ, возникла острая некогерентность.

Справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и эффективность.

Хороший учебный материал дает история трагедии *права на труд*. Во время реформы видные общественеды стали пропагандировать *безработицу*. Т.И. Заславская писала в важной статье (1989): “По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20-25%. ... Лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15-16 млн. человек, т.е. громадную армию...”

Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением новой работы, ... ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда. Лично мне ближе последняя точка зрения, но общественное сознание не подготовлено к ее восприятию. ... Мнение о том, что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживает всего 13%” [2, с. 230-232].

Таким образом, по словам Т.И. Заславской, “освобождение” от 15% ненужных работников поднимет производительность труда на 20%. Значит, объем производства при этом возрастает на 2%. И из-за этого ничтожного прироста социолог предлагает превратить 15-16 миллионов человек в безработных! Общественед не справился с «взвешиванием» несоизмеримых ценностей, в результате выгода *несоизмеримо* меньше неизбежных потерь. Достоверное знание *игнорировалось*.

Н.П. Шмелев пишет в 1995 г.: “Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые - излишни абсолютно” [52]. Как это понимать? Что значит “в этой отрасли *все занятые – излишни абсолютно*”? Что это за отрасль? И таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит “в городе N* все занятые – излишни абсолютно”? Что это за города и районы? Все это печатается в журнале РАН! И ведь эта мысль о лишних людях России очень устойчива, в 2003 г. Шмелев повторил ее в более жесткой форме.

Заключение

В приведенном выше коротком перечне отмечены лишь некоторые повреждения когнитивной структуры постсоветского обществоведения. На деле произошла деградация всей системы познавательных средств, на которой и собирается интеллектуальное сообщество. Это значит, что в настоящее время российское общество не обладает коллективным субъектом научной деятельности в области обществоведения и трансляции знаний из этой области во все сферы общественной практики. Отдельные личности, малые группы и лаборатории не могут заменить *национального сообщества*.

Именно эта форма организации научной деятельности может обеспечить создание и поддержание *информационной системы*, соединяющей членов сообщества между собой, с международным сообществом, с обществом своей страны. За год в России выпускается почти 600 тыс. специалистов в области обществоведения с высшим образованием, а почти единственный научный журнал по социологии выходит тиражом 3 тыс. экземпляров и почти никакого влияния на мышление и дискурс огромной массы дипломированных специалистов не оказывает.

Только профессиональное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете. Для этого требуется соответствующая *социальная организация*, профессиональная «полиция нравов» и дееспособная система санкций. Ничего этого в постсоветском обществоведении нет. Самые тяжелые нарушения норм научности (по ошибке или по недобросовестности) не влекут за собой не только

формальных профессиональных санкций, но и никакой реакции. На конференциях даже в учреждениях самого высокого статуса два докладчика один за другим могут говорить вещи, абсолютно несовместимые в когнитивном плане, и это не вызывает не только дискуссии, но даже вопросов.

В приведенных выше примерах внимание обращено на отход от норм рациональности виднейших представителей российского обществоведения, заслуженных и авторитетных ученых. Но речь идет не о личностях, а о той части высшей научной элиты страны, которая в своих книгах, докладах и выступлениях в СМИ задавала новые стандарты понятийного языка, критерии, логику и меру. Была создана и силой авторитета навязана большей части гуманитарной интеллигенции аномальная *мет одологическая парадигма*. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности и не ориентация на достоверность и истину, а корпоративные и партийные интересы. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элиты, СМИ.

Декларированный в последние годы в России курс на инновационное развитие и построение «общества знания» делает совершенно необходимым *сборку* отечественного обществоведения как профессионального сообщества. В условиях общего культурного и мировоззренческого кризиса эта сборка не может вестись на единой когнитивной основе в рамках общей методологической парадигмы. Речь может идти о формировании небольшого числа интеллектуальных кластеров, однако соединенных наибольшим числом общих профессиональных норм, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога.

Единственной интеллектуальной ассоциацией, которая обладает институциональными возможностями для организации этой программы является в данный момент Российская Академия наук. В целом, в ней в наибольшей степени сохранилась приверженность нормам жесткой научной рациональности – благодаря совместному пребыванию с сообществом естественнонаучных дисциплин. РАН тесно связана с крупнейшими университетами России, относительно меньше пострадавшими от кризиса 90-х годов, а также в существенной мере сохранила связи с главными структурами государства.

Представляется, однако, что организация *пересборки* методологической и социальной структуры российского обществоведения должна стать делом именно Академии наук как целого, а не только влиятельных групп самих обществоведов из Отделения общественных наук РАН.

Литература

1. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.
2. Заславская Т.И. Перестройка и социализм. - Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989. С. 217-240.
3. Попов Г.Х. Корень проблем. О концепции экономической перестройки. М.: Издательство политической литературы. 1989. С. 53.
4. Петраков Н., Перламутров В. Россия - зона экономической катастрофы. - Вопросы экономики. 1996, № 3.
5. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.
6. А.Эмсен, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр, Л.Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. - Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.
7. «Независимая газета», 1998, 27 авг.
8. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003.
9. «Известия», 31 янв. 1990.
10. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М.: Высшая школа. 1969.

11. Грамши А. Искусство и политика. М.: Искусство. 1991.
12. P. Ingraо. Perspectivas del socialismo en Europa. – в кн. “ Perspectivas del socialismo hoy”. Vol. 1. Madrid: FIM, 1992., с. 19-20.
13. Ципко А. Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием. - «Независимая газета», 17.05.2000.
14. Хорос В.Г. Интеллектуальная элита и реформы в России: некоторые обобщения. - В кн.: “Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития”. М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 200-207.
15. Филиппов П.С. – В кн. «Элита России о настоящем и будущем страны. Книга 1». М.: ИСИ РАН (полный текст аудиозаписи). 4 января 1994 г. Интервьюер - Лапина Г.П.
16. Шмелев Н. Новые тревоги и надежды. – «Новый мир». 1988, № 4.
17. Симонов В.В. Зависимый тип хозяйства при переходе к капитализму: российский опыт (на материалах государственного долга в 80-90-е гг.). – Шансы российской экономики. Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1997, № 2.
18. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего. - СОЦИС, 1996, № 3.
19. Кордонский С. Социальная реальность современной России. - www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.
20. Илларионов А. Цена социализма 12 апреля 1999 - <http://www.libertarium.ru/libertarium/illarionov>.
21. Ципко А. - “Московские новости”, № 24, 1990.
22. Яковлев А. О перестройке, демократии и “стабильности”. - “Независимая газета”. 2003, 2 декабря.
23. Пияшева Л.И. Контуры радикальной социальной реформы. – В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989. С. 264-278.
24. Ципко А. - В кн. “Освобождение духа”. М.: Политиздат. 1991. С. 345.
25. Лисичкин Г. Зажиточный работник - процветающее государство. - “Известия”, 8 авг. 1989 г.
26. Гишинский Я.И. Кризис системы уголовных наказаний. – СОЦИС. 1993, № 8.
27. А.В. Бузгалин. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996, с. 67.
28. Ципко А. Можно ли изменить природу человека? - В кн. “Освобождение духа”. М.: Политиздат. 1991. С. 80.
29. Шмелев Н. - “Известия”. 1989, 30 октября.
30. С.А.Дятлов. Концепция инвестиционного развития России. - Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1997.
31. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003.
32. Мамут Л.С., Э.Я. Баталов, Э.Ю. Соловьев. - “Вопросы философии”, 1990, № 6.
33. Radnitzky G. La tesis de que la ciencia es una empresa libre de valores. - In: Estructura y desarrollo de la ciencia. Madrid. Alianza. 1984.
34. Яковлев А.Н. Перестройка и нравственность – «Советская культура». 1987, 21 июля.
35. Фуко М. Око власти. - В кн. “Интеллектуалы и власть”. М.: Праксис. 2002.
36. Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? – В кн. «Расизм в языке социальных наук». СПб: Алетейя, 2002.
37. Lipovski Z.J. Psychiatry: Mindless or Brainless, Both or Neither. - «Current Contents». 1990, № 1.
38. Меморандум в защиту природы (1988). – В кн. «Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива». М.: Прогресс. 1990. С. 5-13.
39. Зусман Л.Л. Металлический фонд народного хозяйства СССР. М.: Металлургия, 1975.

40. Шмелев Н., В. Попов. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати Новости. 1989.
41. Аганбегян А.Г. - http://econom.nsc.ru/eco/2004_01/.
42. Яременко Ю.В. Экономические беседы. М., 1998, с. 72.
43. Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика. – СОЦИС. 2003, № 1.
44. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения. – СОЦИС. 2004, № 4.
45. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации. - СОЦИС. 2003, № 9.
46. Бутовская М. Л., Дьяконов И. Ю., Ванчатова М. А. Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность, М.: «Научный мир», 2007.
47. Смирнов И. «Бредущие среди нас». Попрошайничество как патология - http://www.scepsis.ru/library/id_1566.html.
48. Суринов А.Е. Уровень жизни населения России. 1992-2002 гг. (По материалам официальных статистических наблюдений). М.: ИИЦ «Статистика России». 2003.
49. Русская идея и евреи: роковой спор. М.: Наука. 1994. С. 174.
50. Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории. 2001. С. 28.
51. Aganbeguyan A. La perestroika económica: una revolución en marcha. Barcelona: Grijalbo, 1989. P. 77.
52. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. - СОЦИС. 1995, № 3.
53. Шмелев Н.П. - “Московская среда”, № 4, 2003.

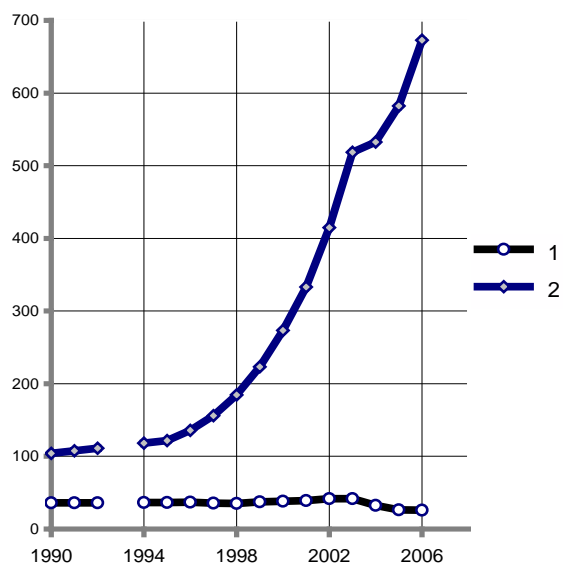

Рис. 1. Динамика выпуска специалистов высшими учебными заведениями России, тыс. человек: 1 – естественнонаучные специальности; 2 – гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление

Рис. 2. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США, %

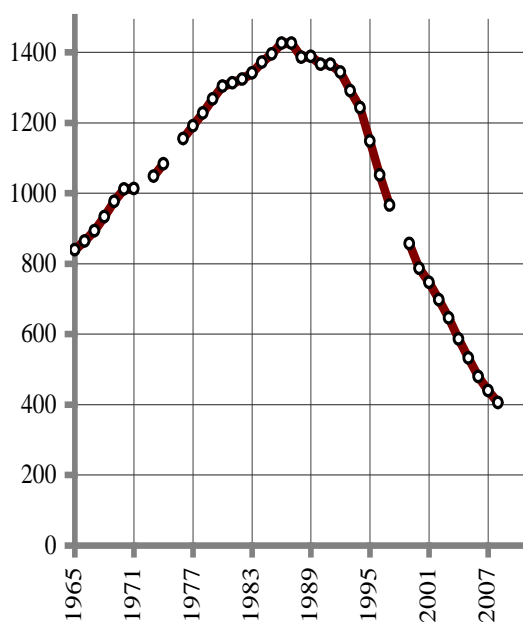

Рис. 3. Парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях России, тыс.